

НЕФОРМАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА И ЭКСПОЛЯРНЫЕ СТРУКТУРЫ

М.Ф. Рыжанков, к.э.н., доцент, О.В. Рыжанкова, к.э.н., доцент

Данная статья представляет собой попытку проанализировать особенности функционирования и причины существования неформальной экономики. Она поможет в ответе на ряд важных вопросов: «Что представляет собой неформальная экономика и кто в ней участвует?» «Что обеспечивает дееспособность неформальной экономики, ее «живучесть?», «Как состыкованы между собой формальный и неформальный сектора экономики?» и, наконец, «Как происходит, переток ресурсов из одного сектора в другой?»

Проблемы, связанные с неформальной экономикой, уже не одно десятилетие привлекают внимание исследователей как индустриально развитых, так и развивающихся стран. Почему?

Во-первых, по самым разным и приблизительным оценкам, в неформальной сфере, например, белорусской экономики производится ныне от 20 до 25% валового национального продукта, а в России и того больше.

Во-вторых, без раскрытия тайн неформальных экономических отношений сложно разобраться в механизмах функционирования «реальной» экономики.

В-третьих, учитывать масштабы неформальной экономики, ускользающей от статистического учета, нужно для корректировки наших представлений о масштабах и возможной динамике макроэкономических процессов:

В-четвертых, на пути постижения глубин неформальной экономики возникает много трудностей, которые связаны не только с нехваткой экономико-статистических данных для расчетов, но и с концептуальными сложностями, расхождениями в понимании того, что представляет собой неформальная экономика.

Итак, обратимся к мнениям известных ученых, которые изучают данную отрасль науки.

Впервые термин «неформальная экономика» был введен английским социологом Кейтом Хартом при характеристике экономики Африки. Впоследствии это понятие стали употреблять и к остальным странам (промышленно развитым, развивающимся, странам с переходной экономикой).

Ученые выделяют следующие характеристики «неформальной экономики»:

- это стратегия выживания – а не накопление капиталов;
- цель увеличение занятости, т.е. это то, что может быть предпочтительнее максимизации доходов;
- это семейные экономики, основанные на семейном труде и стратегиях его использования;
- облегчение доступа к рынку труда при использовании местных ресурсов;
- гибкость и многообразие быстро меняющихся способов зарабатывания;
- взаимная поддержка и кредитование, которые основываются на доверии или родстве, а не на формальных договоренностях;
- родство, соседство, этническая общность и региональное происхождение, определяющие сети социальных отношений, в которые укладываются экономические аспекты;
- трудоемкие занятия в рамках нерегулируемого рынка с высокой степенью неопределенности;
- нерегулируемые организации и полуполигальные стратегии с целью избежать прямых отношений с государством и налоговой системой;
- способы зарабатывания незащищенным законом трудом в обществе, где работа с определенной заработной платой является привилегированной;
- стиль жизни, включающий многие из тех характеристик, которые Дж. Скотт назвал «моральной экономикой».

Профессор из Италии Энцо Мингиони в своей работе «Неформальная экономика и опыт западных стран» показал, что термин «неформальное» означает прежде всего не то, что «плохо», а то, что неясно и малорегулируемо. Сама проблема неформальности стала отчетливо осознаваться в западной науке, начиная с 60-х годов прошлого века, когда экспансия государственной и рыночно-капиталистической организации стала все чаще сталкиваться с ответным ростом неформальных отношений. Особенно это стало за-

метно в странах «третьего мира», где неформальная экономика выглядела вообще чем-то естественным и само собой разумеющимся.

Э. Мингиони выделил два базовых условия, определяющих конкретные формы существования неформальных экономик: во-первых, историко-культурные традиции; во-вторых, варианты формального регулирования, вызывающие ответную реакцию неформальной экономики. Далее он обосновал три модели сочетания формальных и неформальных отношений в западном мире:

1. Стандартная модель основательно регулируемой экономики, где неформальные отношения по большей части ограничены сферой услуг. Реальным проявлением этой модели стали Германия, Франция и Скандинавские страны.

2. Американская модель (США и Канада), для которой необходима масса мигрантов, и в которой сектор трудовых ресурсов очень динамичен.

3. Южно-Европейская модель, включающая обширные сферы мелкого бизнеса, семейного предпринимательства и соответствующего им сельскохозяйственного производства, где неформальный сектор наиболее распространен в туризме и мелком производстве; образцы данной модели — Италия, Испания и Греция.

По мнению Э. Мингиони, на современной стадии развития западного мира самозанятость и самоорганизация становятся все более важными социальными процессами, придающими новый динамизм неформальному сектору.

Вадим Радаев в своей статье «Неформальная экономика и внеконтрактные отношения в российском бизнесе» пишет, что есть три принципиально разных подхода к данной проблематике. Первый подход определяет неформальную экономику как совокупность форм хозяйства или секторов экономики, противостоящих государству и формализованным сегментам рынка. Этот подход на сегодняшний день является наиболее популярным. Тем не менее, неформальная экономика может быть рассмотрена иначе.

Второй подход трактуется как совокупность отношений, существующих во всех секторах экономики. Данный подход — это сложное переплетение формальных и неформальных связей, где первые образуют форму и хозяйства, а вторые заполняют его содержание.

Первый подход применяется, прежде всего, при макроэкономических расчетах и нацелен на определение масштабов неформальной экономики. В нем также содержится предположение о необходимости минимизировать неформальные хозяйственные сегменты, о желательности формальной институционализации неформальных отношений. Второй подход — микроэкономический — нацелен на изучение практик хозяйственной деятельности.

Согласно третьему подходу, неформальная экономика предстает как определенная логика действий экономических агентов, как некий идеальный тип, с которым сопоставляют исследуемые экономические реалии. Тем самым, «неформальная экономика» оканчивается не просто указанием на отдельные формы хозяйства, но обозначением общего экономико-социологического подхода к миру хозяйства. Такова точка зрения на проблемы неформальной экономики В. Радаева.

Известно, что у термина «неформальная экономика» много терминологических двойников: ее называют «теневая», «подпольная», «незарегистрированная», «скрытая», «традиционная», «семейная», «маргинальная», «черная», «серая» и т.д., однако, полагаем, считать все эти термины в какой-то степени синонимами.

Так, например, Д. Рутерфорд в своем «Экономическом словаре» пишет: «Теневая экономика—это деятельность, протекающая в рамках черной или криминальной экономики, а также организаций, созданных на добровольной основе. Стоимость товаров и услуг, производимых здесь, не находит своего отражения в официальной статистике» (Ruther Total D.1992).

В макмилланском словаре современной экономики дается следующее определение теневой экономики: «Это часть экономики, отчетность которой не включена в национальную статистику, поскольку ее показатели стремятся скрыть от властей» (Macmillan Dictionary of Modern Economics, 1992).

В вышеуказанной статье В. Радаев выделяет «фиктивную» и «теневую экономику».

«Фиктивная» экономика, по его мнению, — это экономическая деятельность, отражаемая в статистической и бухгалтерской отчетности заведомо неадекватно, но с систе-

матическими отклонениями. Здесь фиксируется несуществующая хозяйственная деятельность или камуфлируется деятельность иного рода, нежели указано в отчете или контракте.

«Теневая» экономика — это экономическая деятельность, не отраженная в статистических или бухгалтерских отчетах, не зарегистрированная в контрактах.

Де Сото определял неформальную экономику как народный бунт, массовый ответ на политику жестких «меркантилистских» государств Латинской Америки, которые выжили только потому, что даровали привилегию легального участия в экономике немногочисленной элите.

Фиджос называл неформальной экономикой всю экономическую деятельность, которая не пользуется защитой закона и не охватывается административными мерами, регулирующими отношения собственности, заключение трудовых контрактов и работу системы социального страхования.

Подобного рода экономика, как пишет английский профессор Т. Шанин, вбирает в себя ряд определенных типов деятельности, которые не ориентированы автоматически на извлечение прибыли, которые совершаются не столько ради достижения заранее просчитанных и скорректированных, специальных целей, сколько для поддержания некоей нормальной меры стабильности и привычности жизненных отправлений, для реализации целей выживания, благосостояния и социально-экономического воспроизводства.

В целом в большинстве имеющихся определений неформальной экономики делается упор на то, что:

- неформальная экономика не учитывается национальной статистикой;
- термин «неформальная экономика» относится, прежде всего, к людям и организациям, а не к социальным и экономическим различиям между ними;
- формальные и неформальные виды деятельности противопоставляются друг другу и взаимоисключают друг друга;
- в определениях особо подчеркивается нелегальность видов неформальной экономической деятельности;
- неявно подразумевается, что внутри формальных институтов и частных, и государственных, неформальная экономическая деятельность отсутствует.

Полагаем, что наиболее приемлемым определением неформальной экономики представляется следующее: «Неформальной экономикой называется такое взаимодействие между субъектами хозяйствования, которые дополняют или замещают официально установленный порядок организации и реализации экономических связей» (Большой экономический словарь, 1994, с.420).

По нашему мнению, данное определение имеет следующие преимущества:

- главный упор делается на взаимодействие, а не на объекты, которые ими обмениваются (неформальность — свойство, характеризующее взаимодействие, а не индивидов или институты);
- неучтенность статистикой и нелегальность не рассматриваются в качестве решающих критериев для отнесения экономики к неформальной;
- понятие неформальность не связывается с формой собственности — это качество может быть присуще и государственным, и легальным частным институтам.

Эти уточнения представляются важными, так как в белорусской экономике неформальные взаимоотношения могут существовать и существуют в любых «формальных», т.е. легально существующих предприятиях независимо от формы собственности и могут быть описаны как сеть нерегламентированных взаимодействий между субъектами хозяйственной деятельности.

Первая особенность предприятий неформальной экономики связана с их гибкостью. Они могут быстро приспособлять свой труд, продукты и услуги к тем изменениям, которые происходят на рынке. Эта гибкость отчасти связана с той ролью, которую несут социальные взаимоотношения в регулировании неформальной экономики. Неформальные соглашения, будь то соглашения между работодателем и рабочими или между фирмой и ее поставщиками и покупателями, уменьшают затраты, связанные с фиксированными обязательствами, и повышают маневренность.

Доверие, необходимое для ведения бизнеса в таких условиях, основывается на отношениях родства и принадлежности одному и тому же сообществу, в том числе этническому, в то время как в формальной экономике оно, как правило, строится на законах, которые гарантируют исполнение контракта и функционирование свободного рынка.

Таким образом, наличие надежных отношений между людьми жизненно важно для экономического успеха неформального предприятия.

Изучение показывает, что неформальные предприятия, организации и физические лица в своей экономической деятельности больше полагаются на родство или этничность, чем на контракты, предпочитая в качестве рабочей силы родственников или представителей того же этноса, и опираются на неформальные социальные сети клиентов, поставщиков и т.д.

Западный ученый Брайан Робертс отмечает, что огромную роль в стратегии экономического поведения семьи играют родственные и дружеские связи, оказывающие членам семьи помощь в поисках работы и поддержку в случае чрезвычайных обстоятельств (Roberts, 1994. P. 6-23). Он считает, что под термином «неформальная экономика» в развивающихся странах чаще всего подразумевают не экономику, а именно «поддержку», которая проявляется в виде социально-экономических отношений в «неформальных сетях поддержки семьи». По данным нашего бюджетного исследования, которое проводилось в ряде регионов России и Беларуси, помощь родственникам, в том числе и городским, в натуральном и денежном выражении в зависимости от обстоятельств и состава семьи может колебаться от 10 до 40% в натуральных и денежных расходах семей.

По мнению наших респондентов, прочность экономического положения семьи определяет плотность и надежность ее социальных связей с различными формальными и неформальными социальными институтами. Это можно представить в виде некой сети, сплетенной из горизонтальных и вертикальных нитей, соответственно, формальных и неформальных отношений с государственными организациями, производственными коллективами, общественными организациями, частными лицами, кругом родственников, друзей и знакомых. Чем многочисленнее, плотнее и прочнее нити этой сети, тем уверенней семья смотрит в будущее, тем большую социальную защищенность они испытывают.

Исследования также показывают, что неформальный сектор дает возможность начать и расширить бизнес тем, кто практически не имеет иного капитала, кроме сильных родственных или этнических связей.

Вторая особенность современной неформальной экономики связана с ее отношением к государству. Современная неформальная экономика в значительной степени является ответной реакцией на деятельность государства и способ функционирования капитала в современной экономике. Известно, что в развивающихся странах и странах с переходной экономикой, как пишет Б. Робертс, государство слишком бюрократично, т. е. берет на себя обширные полномочия по регулированию экономикой, рычагами для этого служат налоги, лицензирование, квотирование, контроль за заработной платой и ценами, по охране здоровья и безопасности, а также по надзору за выполнением коллективных договоров.

Взросшая роль неформальной экономики является отчасти реакцией на государственное регулирование и на бюрократический характер фирм.

А.Портес, например, указывает, что, как ни парадоксально, но увеличение числа правил и предписаний способствует развитию неформальной экономики. На основе тех или иных правил и предписаний бизнес облачается налогами, уклоняясь от уплаты которых посредством субконтрактов или на основе неформальной деятельности, предприятия могут уменьшать накладные расходы и отчисления в социальные фонды, и, действуя таким образом, обеспечивают себе преимущества, необходимые для выживания на рынке.

Третья составляющая неформальной экономики – это создание рабочих мест, повышение уровня занятости и снижение безработицы.

Неформальная экономика не просто указывает на отдельные формы хозяйства, а обозначает общий социально-экономический подход к миру хозяйства и предстает как определенная логика действий экономических субъектов. Важно заметить, что в основе неформальных действий кроется особое понимание возможных форм связи субъектов с мировым хозяйством и миром в целом. Здесь работает именно логика, но не столько экономическая логика, в смысле максимизации доходов, а скорее логика социальная, в

которой качество жизни увязано с выживанием, а также с широко построенной картиной человеческих отношений. В сущности, это логика жизни, работающая над вопросом «как надо жить?», и так или иначе отвечающая на него. Причем форма ответа позволяет видеть, на какой отметке шкалы «формальное – неформальное» расположено то или иное хозяйственное действие, совершаемое тем или иным социальным субъектом.

Исследовательский подход, нацеленный на выявление такого рода логики действий, позволяет усмотреть в формально экономических действиях субъекта некий дополнительный, глубинный смысл. Данный подход может быть развит и уточнен, как в теоретическом плане, так и в ходе полевых социологических исследований. Здесь следует обратить внимание на важность систематического коллекционирования соответствующих феноменологических наблюдений, так как современная Беларусь дает немало примеров неформальных социально-экономических практик.

Известно, что даже сама концепция «экономика» может вводить в заблуждение. В особенности для «неформальной» и «эксплоярной» экономики не существует никакой возможности, кроме аналитической абстракции, отделить чистую экономику от общей социальной структуры. Абстракции могут и должны быть использованы тогда, когда они помогают осветить определенные аспекты реальности, но вводят в заблуждение, как только мы начинаем считать их самой реальностью. Это верно для экономики в целом, но особенно важно для нашего случая, поскольку здесь социальные, культурные и психологические характеристики играют особенно важную роль.

Понятие «эксплоярные экономики» и свойственные им структуры были предложены Т.Шаниным и использовались как более подходящий термин для того, чтобы подчеркнуть место обсуждаемого явления вне широко принятых моделей политической экономики, а также его социальную «погруженность».

Анализируя неформальную экономику или так называемую «политэкономия общин» Теодор Шанин особо выделил вопрос «взаимосвязи технологий, ресурсов и умений». Нам представляется, что исследование этих взаимосвязей непосредственно зависит от постижения логики действий субъекта и может наглядно эту логику выразить. Мы в основном исходим из собственного опыта изучения неформальных компонентов крестьянских семейных экономик, но и не только из него. Дело в том, что ресурсно-технологические процессы в неформальной экономике, связанные с человеческими умениями, удивительным образом отражаются в многообразных наблюдениях, обобщениях, выводах, принадлежащих не только ученым-специалистам, но и практикам, хозяйствующим на земле.

В свое время А.Н. Энгельгардт («Из деревни. 12 писем») писал: «Хозяйство — дело сложное, и делать изменения в системе хозяйства не шутка. Литература хозяйственная..., принесла мне мало пользы. Я зачитывался до помрачения рассудка, разыскивая нужные мне сведения, и ничего не находил... Читаю, бывало, читаю, пойду советоваться с Авдотьей, - нет говорит она, это не так, из этого ничего не выйдет. Я потерял веру в книги и бросил их, в чем Авдотья имела огромное влияние своим вечным «пустые эти ваши книги». И действительно пустые.

Мои научные познания... мое знание людей, их ощущений, страстей, слабых сторон и пр., — все это составило мою силу. Практические хозяйственные знания Ивана, Сидора, Авдотьи составляли вторую силу. Но всего этого было мало для того, чтобы быстро двигаться вперед. И я руками и ногами ухватился за мысль ехать на выставку... узнать, что достигают в хозяйствах другие, чего мы должны достигнуть и посредством наших орудий это достигается». Высказывание А.Н. Энгельгардта приведено в данной статье не случайно. Организуя свое хозяйство, Энгельгардт опирался на живую практику, передовой опыт, неформальную мудрость людей, работающих на земле, на моральную экономику.

Следует заметить, что субъекты неформальной крестьянской экономики, умеющие действовать в условиях предельной ограниченности ресурсов, тем не менее, способны достигать целей. Они развили в себе виртуозные способности к выживанию, к противостоянию обстоятельствам и вызовам судьбы. Эти способности бесценны именно в экстремальных условиях, когда семейная экономика вынуждена развернуться на саму себя, замкнуться в кругу родственных социально-экономических структур, стремительно нарастить сеть горизонтальных, стихийно-кооперативных связей с родственниками и односель-

чанами. Эти способности буквально из ничего сотворили сегодня некую самодельную гарантийно-страховую систему, цель которой – физическое и социальное выживание.

Эти способности, эти неприхотливые социально-технологические изобретения, эти выдумки и «затем» можно бы назвать, по выражению Дж. Скотта, «оружием слабых». Т.е. средство, которым люди искусно балансируют на грани выживания, которые порой довольствуются малым и не ставят неременной целью существенно изменить пространство своего повседневного существования.

Итак, сделаем некоторые выводы.

Неформальная экономика домохозяйств — это непрерывный процесс нарушения существующих правил и схем социально-экономического существования и, одновременно, процесс создания, изобретения неких новых правил и схем. Неформальная экономика — это система усилий, целью которой является поддержание «полноты органического существования» микросообщества. Это — разветвленная система противостояния обстоятельствам, которые могут поколебать или нарушить стиль повседневного существования субъекта. Это — пространство изобретательности, так как именно в сфере неформальной экономики субъект непрерывно отслеживает возможности и, сообразуясь с ними, действует. Это — экономика смиренных надежд и скромных перспектив. Это — экономика промежутков, зазоров, как социальных, так и экологических. Это — экономика непланируемости, ситуационности и непредзаданности.

Таким образом, неформальная экономика — это деятельность, направленная на получение доходов, не контролируемая государством, осуществляемая в условиях, когда аналогичные виды деятельности регулируются государством.

Данное определение вовсе не подразумевает, что неформальная экономика представляет собой самодостаточный набор видов деятельности, не имеющий никакого отношения, либо слабо связанный с остальной экономикой.

И последнее. Проблема, которая затронута в статье, весьма актуальна. И вот почему. О ее значимости говорит тот факт, что 30 сентября 2008 г. Президиум Совета Министров РБ рассмотрел вопрос о развитии личных подсобных хозяйств граждан. Правительство выказало обеспокоенность сложившимся положением дел в этой сфере экономики и приняло решение создать такие условия, которые бы стимулировали население вернуться к занятию личными подсобными хозяйствами.

Такое решение вызвано тем, что количество домашних хозяйств из года в год снижается. Если в конце 1992 года их число составляло 1396 тысяч, то к концу 2007 года 1127 тысяч (на 19% меньше). Настораживает и то, что численность крупного рогатого скота в 2007 году составляла 311,6 тыс. голов, или 40% к уровню 1990 года, свиней — 941,2 тыс. голов (соответственно — 63%). Количество коров на личных подворьях за этот период сократилось более чем на 400 тыс. голов (на 62,5%) и к началу 2008 года составило 253,5 тыс. голов. Только за последний год поголовье коров в частном секторе сокращено на 50 тысяч, или на 16,5%. Однако необходимо учитывать то, что в 2007 году в общем объеме сельскохозяйственной продукции удельный вес продукции, произведенной в личных подсобных хозяйствах, составил еще 34,6%. Такая высокая доля подсобных хозяйств в валовом производстве сельхозпродукции весьма серьезно влияет на продовольственный баланс страны, нарушение которого может серьезно затруднить обеспечение населения продовольствием и сказаться на внешнеторговом балансе страны. Поэтому сельские домохозяйства на самом деле не подсобные по объемам производства, а составляют особый уклад в социальной структуре аграрного сектора.

1. Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире: Пер. с англ. / сост. Т. Шанин: Под ред. А.В. Гордон – М.: Прогресс – Академия, 1992. – 432 с.

2. Виноградский В. «Орудия слабых»: экономика крестьянской повседневности / Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России // Дж. Скотт, Т.Шанин, О. Фадеева и др. – М.: МВШСЭН, 2002, - 592 с.

3. Минциони Э. Неформальная экономика и опыт западных стран. Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Под. ред. В. Данилова, Т. Шанин. – М., 1997. – 380 с.

4. Радаев В. Неформальная экономика и внеконтрактные отношения в российском бизнесе. Подходы к исследованию неформальной экономики / Неформальная экономика. Россия и мир / Под ред. Т. Шанин. – М.: Лотос, 1999, - 576 с.

5. Шанин Т. Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной российской деревни // Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России // Дж. Скотт, Т.Шанин, О. Фадеева и др. – М.: МВШСЭН, 2002, - 592 с.

6. Шанин Т. Перспективы исследования крестьянства и проблема восприятия параллельности общественных форм // Научно-инновационная деятельность в агропромышленном комплексе. Сб. науч. статей, Минск, 29-30 мая 2008 г. В 2 ч. Ч.1 (редкол. М.Ф. Рыжанков и др.) – Минск, 2008, - 283 с.

7. Энгельгардт А. Из деревни: 12 писем, 1872-1887, М.: Мысль, 1987. – 636 с.

8. Агропромышленный комплекс. В 2-х томах. Мн.: БНИИ внедрения новых форм хозяйствования в АПК Минсельхозпрода РБ, 2007 г.

9. Скотт Джеймс. Оружие слабых: обыденные формы сопротивления крестьян. Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Под ред. В. Данилова. – М, 1996. – 353 с.

ОРГАНИЗАЦИОННО-КАДРОВЫЙ АУДИТ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ПРОЕКТНЫМИ РИСКАМИ

Л.Т. Ткачева, к.т.н., доцент, Е.В. Позднякова

Система управления проектными рисками представляет собой комплекс мер, позволяющий нейтрализовать факторы неопределенности, влияющие на комплексную техническую, экономическую, социальную эффективность инвестиционного проекта. Успешная реализация проекта в первую очередь зависит от эффективного использования всех имеющихся ресурсов предприятия, в том числе и трудового потенциала. Поэтому столь важное значение в управлении проектными рисками приобретает анализ критических факторов успеха: развитие персонала, инновации, надежные партнеры по бизнесу, уровень квалификации персонала. Правильно оценить инновационную способность каждого из сотрудников, умение управлять конфликтными ситуациями, создавать сплоченную команду и организовывать групповую работу возможно на основе проведения организационно-кадрового аудита [1, 2].

На этапе организационно-кадрового аудита, включающего анализ системы управления человеческими ресурсами, используются методы: анализа документов, экспертного структурированного интервью, выделения и анализа основных и вспомогательных процедур системы управления персоналом [3]. Организационно-кадровый аудит можно проводить как специалистами предприятия путем формирования комиссии по данному вопросу, так и с привлечением сторонних организаций [4].

Исследования проводятся на уровне: собственно управленческого процесса, в котором непосредственно участвует сам работник; организации как системы по достижению определенных целей с помощью людей и их действий; самого человека как личности и обязательного участника производственных отношений.

Особую актуальность приобретает проведение организационно-кадрового аудита при инвестиционном проектировании, так как его успех напрямую зависит от качества осуществляемой кадровой политики предприятия. Проведение организационно-кадрового аудита позволит оценить систему управления персоналом. На основании полученных оценок делаются выводы о наличии необходимых для эффективного управления предприятием кадров, а также определяются потребности в переподготовке работающих сотрудников и привлечении новых. Исходя из этого, задачи организационно-кадрового аудита в рамках осуществления инвестиционного проекта можно сформулировать следующим образом:

- нахождение проблем в области управления персоналом;
- обеспечение соответствия требуемых результатов, объема и направлений осуществляемых усилий по управлению персоналом системе внешних и внутренних факторов эффективности проекта;
- прояснение обязанностей и ответственности участников проекта;
- усиление профессионального имиджа предприятия;
- поощрение большей ответственности и профессионализма среди работников предприятия.

Рассмотрим процедуру проведения кадрового аудита на конкретном примере. ОАО «Ошмянский мясокомбинат» планирует мероприятия по реконструкции колбасного цеха.